

На Западе его называют «самой парадоксальной фигурой русской культуры».

У нас по поводу его творчества то здесь, то там возникают бои местного и большего — значения. Да и сама личность художника воспринимается многими неоднозначно. Книга отзывов с его последней выставки дает широчайший спектр мнений: от вселенских похвал до весьма земных ругательств.

Какой же вы на самом деле, Илья Сергеевич Глазунов?

Человек сложной судьбы, начавший свой путь в жизнь в блокадном Ленинграде, видевший смерть своих близких, воспитанный в чужой деревенской семье вдалеке от привычных шумных улиц.

Художник, пробивавшийся сквозь тернии судьбы, неприятия и непризнания, освистываемый коллегами «по цеху».

Миллионер? Националист? Ретроград? Человек, нетерпимый к чужому мнению? Религиозный мистик?

Что — правда? Что — ярлыки? Какой же вы, Илья Сергеевич?

— **СКАЖИТЕ**, а как вы относитесь к критике? К тому, что говорят и пишут о вашем творчестве?

— С 1956 года, когда была моя первая выставка, я слышу одни и те же упреки — ничего нового. Критика всплывает тогда, когда мое социальное лицо, мое творческое кредо, реализованное в работах, показывается на поверхности общественной жизни, то есть — на выставке. Если вы возьмете всю прессу — я имею в виду недоброжелательную, — то, кажется, она скальпирована с одного и того же доклада. Ее можно разложить по пунктам: одна уважаемая газета пишет, что те, кто не попал в ГУМ, идут на мою выставку. Мне хочется задать вопрос: почему в таком случае не идут на другие выставки, ведь их много?

Идейный противник может принести большую пользу. Он еще больше заостряет позицию и делает твердым человека, которого он критикует. Было бы страшно, если бы меня хвалили мои противники. Юлий Цезарь в свое время сказал: «Если против тебя все — значит, ты самый сильный». Я этого не могу, к сожалению, про себя сказать, потому что есть и за меня. Так что я не самый сильный. С точки зрения Юлия Цезаря.

На мой взгляд, у нас критика как искусствоведческая наука не существует. Наша сегодняшняя критика — это удары дубин, предназначенные для тех, кто не принадлежит к определенной группировке.

В истории русского искусства были образцы критики: Александр Бенуа, Маковский, Дягилев... Критика подражает помощи художнику, и, если она исходит от доброжелателя, ее можно принять.

Если мне кто-нибудь скажет, что я не так изображаю мир Достоевского, для меня это ценно. Память слова Леонардо да Винчи: «Художник должен выслушать всех и сделать по-своему», я начинаю думать...

Вот, например, князь Мышкин. Один критик написал, что я перерисовал Юрия Яковлева в фильме «Идиот». Дорогие друзья, в 56-м году, когда мне было 26 лет, я сделал — за 15 лет до появления фильма — портрет князя Мышкина. С тех пор и до сегодняшнего дня он находится в музее Достоевского.

Ко мне в свое время обратились Пырьев и Яковлев, чтобы поблагодарить за то, что я помог им найти зримый образ князя.

Задача критики — помочь становлению личности художника. В этом смысле ценны даже советы от врагов. При условии, что они опережают мою идею. Мне, допустим, интересно было бы узнать, как я, на их взгляд, понял Андрея Рублева, Сергея Радонежского, Дмитрия Донского. Кто-то их видит не такими, как я, но любит не меньше.

Или — портреты современников. Каждый видит по-своему Распутина или Деметрива, но ведь мне важно выразить свою точку зрения.

Так что я не сталкивался с критикой никогда и нигде. Только — с желанием ударить за то, что я непохож на других.

— Это — единственная претензия критиков?

— Нет, естественно. Меня упрекали даже в том, что на мою последнюю выставку пришли 2 миллиона человек, что я король кича...

Сейчас упорно развивается тенденция деления всего искусства на «элитарное» и искусство «для масс». Это — чудовищная наглая провокация против основ культуры. Потому что нельзя сказать — сегодня уже не найдется человека из любого лагеря, — что икона это не искусство. Или Леонардо да Винчи, или Моцарт... Нельзя сказать, для кого писалась икона: для элиты или для масс. Икона писалась для всех. И была книгой для неграмотных.

Понимают искусство все. Только каждый берет свое.

Одна ленинградская газета написала на меня политический донос: «С каждой картины на нас подозрительно поглядывает Христос». Один недоброжелательный конференсье неудачно пошутил, что у Глазунова все глаза одинаковые. Я бы ему советовал оставить глаза вьетнамского ополченца князя Мышкина. Посмотрим, что из этого выйдет. Мне говорили: как ты поедешь во Вьетнам? Там же глаза узкие, тебе — хана...

— Но у вас есть надежда, что критики прозреют?

— Бенуа вначале в шапки разнес Врубеля. А впоследствии — но, к сожалению, уже в некрологе — написал, что это великий художник, равный титанам Возрождения.

Художнику важны поддержка и понимание при жизни.

— Существует профессиональный творческий союз, который, наверное, занимается этой проблемой?

— Союз художников — это организация совершенно ненавидящих друг друга разных людей. И объединяла их политическая установка, за исполнение ее — покорно, четко, директивно — платились деньги, давались премии, привилегии. Ими социалистический реализм в разные времена понимался как жизнь социальных манекенов в выдуманных социальных условиях. Мой обычный пример: по величине мешка, который грузит радостная колхозница, видно, что план перевыполнен на 300 процентов. Тракторы, парады, ликование. Это была идеология тридцатых годов...

После смерти Сталина, я считаю, наступил перелом. Одна часть художников понимала, что так жить нельзя, и хотела

правды в искусстве. Другая — в растерянности стала смотреть на Запад. Запад к этому моменту был как и сейчас, на мой взгляд, раздавлен авангардизмом. Наша страна была полигоном для этого начинания: в двадцатые годы открылось, если не ошибаюсь, 300 абстрактных музеев.

Если мы воспринимаем как высшее проявление искусства черный квадрат Малевича, то надо иметь в виду, что позже, по рассказу Нади Леже, художник собрал своих учеников и сказал: «Расходиться, искусство кончилось. Я все сказал, что мог. Давайте вещи. Искусство навсегда умерло».

Сегодняшний день — в искусстве и в жизни, в формах, которые предложены Союзом художников, совершенно увечат творческие индивидуальности. Например, художник написал работы, которые не нравятся секретариату Союза. Что он должен делать? То, что на Арбате, —

Илья ГЛАЗУНОВ: «В каждом человеке живет высокое начало»

портреты рисовать? Это что, большой прогресс? Это что, свобода творчества? Нет. И та часть художников, которая рисует эти портреты, не умирает с голоду. Гордиться здесь нечем: серьезные художники должны писать картины, выражать свое отношение к времени, к жизни.

Союз художников, с моей точки зрения, нужен для тех, кто слаб, тех, кто готов исполнять «чего изволите», то есть служить любой конъюнктуре. Вчера — централизму, сегодня — авангардизму.

Я надеюсь, что новое правление СХ, которым руководит сейчас Андрей Васнецов, будет относиться к художникам по-другому.

Но если бы что-то зависело от меня, я хотел бы видеть художников, объединенных в творческие организации, свободно конкурирующие друг с другом, как это было в начале XX века, которые бы жили на свои доходы, а не тянули с государства. Пока же государство дает в руки административной элите художников огромные суммы, которые те распределяют, как считают нужным. Хотелось бы видеть, на что уходят эти деньги, сколько что стоит...

Кто сколько получает за свои картины — отдельная тема. Но если бы вы видели, на что уходят деньги, я уверен, рабочие бы просто растерзали тех, кто делает выбор. Потому что это расхищение национальных средств на антинациональное искусство.

И потом — во всей истории человечества не было такого, чтобы художники покупали картины у художников! Вы можете себе представить, чтобы Мусоргский покупал сочинения у Бородина? А Репин определял бы стоимость картин Сурикова? У нас это так.

— Вы говорили об этом на последнем съезде художников?

— Мне дали на выступление десять минут. Но и это достижение. Ведь я был всего-навсего как всегда гостем.

Я не поклонник, к примеру, Евтушенко, но я бы очень удивился, узнав, что он был гостем на съезде писателей.

Тем не менее многое из того, о чем мы сейчас говорили, я успел сказать с трибуны. И думаю, опять же — это многим не понравилось.

— Но были времена, когда вы имели высоких покровителей и в жизни было меньше проблем?

— Так пишут на Западе... Стоит мне пересечь границу, и я уже — «рука Кремля», «личный друг Брежнева». По моему совету ввели войска в Афганистан.

Да, действительно, однажды меня вызвали в ЦК партии. Поймите меня правильно: я, советский человек, шел, дрожа и пылая от неожиданности выпавшей чести. «Вы пишете только портреты королей и буржуазных президентов?» — спросили меня в приемной. «Нет, что вы, — сказал я. — Просто они заказывают их мне. Каждый человек интересен для портрета». «Скоро юбилей Леонида Ильича, — сказал мне помощник Брежнева. — Он видел многие ваши портреты, в том числе Инди-

ры Ганди. И он хотел бы иметь свой портрет». Внутренне я был счастлив от того, что во время предполагаемых сеансов работы над портретом смогу рассказать Генсеку о том, как разрушается старая Москва — под флагом строительства образцового коммунистического города, поделиться своей болью, попросить о помощи.

Мне дали любимую фотографию Леонида Ильича. И я так старался оправдать доверие... Вложил свое понимание этого человека в работу. Впереди были три сеанса по полчаса. Но портрет, написанный по фотографии, взяли, чтобы показать Леониду Ильичу. Через некоторое время мне позвонил помощник и сообщил, что сеансов не будет. Брежнев сказал, что это лучший портрет, больше ничего не нужно. «Глазунов может испортить».

Я не получил никаких гонимостей, никаких привилегий. Я никогда не виделся с Брежневым. Но когда меня спрашивали об истории этого портрета, я загадочно опускал глаза, намекая: о подробностях говорить не хочу.

— И тем не менее довольно часто говорят о ваших баснословных богатствах...

— Миллионером можно назвать только того, кто получает миллионы за свои картины.

У меня миллионов нет. Картины продаются через салон на Смоленской площади. Самая большая сумма за портрет — семь тысяч рублей. Портрет Индиры Ганди стоил шесть тысяч...

Если вы говорите об иконах на стенах мастерской, то — это трофей нигилизма, геноцида русской культуры, спасенные из огня, во время разрушения церкви. То, что здесь есть, я никогда не оценивал. У других художников, поверьте, есть коллекции и получше. Но никто не говорит, что я все спас, реставрировал и все это будет принадлежать народу.

— Вы часто говорите не только об отказе от профессионализма, от школы в изобразительном искусстве, но и об отходе от традиций. В чем это, собственно, выражается?

— Художник растет и имеет общественную значимость лишь тогда, когда он отвечает на проклятые вопросы жизни. Почему авангардизм должен воздействовать на нас на том основании, что он был запрещен?.. Был же салон на Малой Грузинской улице.

А сейчас почти весь Союз художников — как этот салон. Сейчас авангард снова становится официальным искусством.

Я бы хотел, чтобы художники сегодня с такой же страстью апеллировали к действительности, как наши писатели, публицисты, телевидение. Сегодня речь идет о традициях и правде. С моей точки зрения, главное зло — отрицание традиций, отрицание высокого реализма, о котором говорил Достоевский, как о выражении внутреннего мира человека. Через правду и объективность существующего мира, идею борьбы добра и зла, где поле битвы — сердце человека.

— И все же, почему художник не апеллирует к действительности, почему сегодня изобразительное искусство менее остро социальное, чем литература, публицистика?

— Сейчас изобразительное искусство вновь повторяет идеи авангарда. С моей точки зрения, авангард всегда был нетерпим — и под флагом нового уничтожал традиции, поэтому стал — арьергардом. Хотя я считаю, что каждый художник волен идти своим путем в искусство.

Как видно, писатели сегодня больше заинтересованы в судьбе нации, Отечества, в выражении правды времени. Они гражданственны.

Художники же под вседозволенностью понимают свободу «от», свободу утверждать свое право на «самовыражение».

Изобразительное искусство тесно связано со школой, высоким мастерством, профессионализмом. Мальчик, в возрасте комсомольца, читателя вашей газеты, Микеланджело подошел к папскому легату, который искал исполнителя заказа папы, и сказал: «Я тот, кого вы ищете», потом привел его к себе в мастерскую и нарисовал руку в ракурсе — что очень трудно.

Легат оценил это по достоинству. Тогда ценится искусство, а не догма «быть похожим на какого-то художника, признанного современным».

Когда отрицается школа, высокий профессионализм, каждый дилетант может обозвать себя художником.

Сегодня искусство настолько сквадно, что те силы, которые выпускаются из бутылки, как джинн, разрушают само понятие искусства, участвующего в жизни и выражающего тайну души художника.

Дилетант ничего не может выразить. Даже на Арбате трудящиеся и туристские массы стоят у того, кто рисует лучше. «Я мово Шурку за пятерку нарисую у этого. Он похоже рисует...».

Естественный отбор зрителей.

Объясняя отсутствие ярких произведений преступным стремлением все привнести к черному квадрату Малевича... Мы сами вызвали равнодушие всех к тому, что творят официальные и неофициальные художники. Большинство наших выставок пустуют. А разве пустой зал был когда-нибудь признаком успеха?

— Ваши ученики разделяют ваши идеи? Можно спросить об этом каждого из них, из 25 ребят из моей мастерской в Суриковском. Я никогда — даже во сне — не могу посягнуть на такое — не заставляю их быть похожими на меня. Моя задача — помочь формированию каждой личности на высоких образцах великого, немеркнувшего, как в ночи звезды, реалистического искусства.

Мне вообще не нравится слово «молодой» как социальный термин. Под Аустерлицем Наполеон, проезжая, увидел 16-летнего русского взятого в плен без сознания офицера и сказал: «Дитя мое! А что вы здесь делаете?». И русский мальчик-доброволец гордо сказал: «Государь, молодость не мешает быть храбрым». Нет молодых, нет старших... Молодость — это способность к подвигу. Я знал молодых старичков. Это видно по их деятельности — они уже сейчас ищут новую конъюнктуру.

Молодые понятия: зачем учиться? Когда некоторые наши иллюстрированные журналы печатают авангардистов, это вызывает у меня недоумение. Это же дезориентация молодых!

— В дни празднования 1000-летия принятия христианства на Руси был заложен камень в основание будущего храма. Если бы вам предложили его расписать?

— Это, я считаю, величайшая честь, о которой только может мечтать русский художник.

Но я боюсь за архитектуру, потому что сейчас нет архитекторов, их тоже научили работать. В чем они сами признаются. Для того, чтобы создать храм, я бы предложил найти один из разрушенных или взять один из старых великих проектов — Шусева, Покровского. Этот памятник построить и расписать.

— В вашей жизни было немало контактов с комсомолом. И сейчас ваша выставка открывается не где-нибудь, а в Московском Дворце молодежи...

— Я считаю, что комсомол может и обязан делать много хорошего. Но он делает ошибки. Основная, с моей точки зрения, сдвиг идеальных позиций.

Комсомол не должен заигрывать с молодежью. Все должны знать, кого поддерживает комсомол, с кем он. Молодежь нужно спасать от бездуховности.

Премия Ленинского комсомола в области изобразительного искусства. Это ж диву даешься — кому дают. Почему? Какая логика? Эти премии только вносят сумбур. Должна же быть поддержка какой-то идеи. Нельзя поддерживать всех!

Комсомол не должен сейчас быть впереди прогресса. Он должен мудро формировать моральные здоровые молодежи.

Мы привлекли к себе в свое время именно тем, что не подстраивались к деткам с улицы. А можно было сказать: «Чего, ребята? Рокерами хотите? Пож-жалуйста. Или — джазовый вечер. Джаз лабают, крошки пляшут. Приходите. Мы, комсомольцы, народ свой, поможем».

А нужно из них высекать огонь. Потому что в каждом человеке живет высокое начало. А все эти рокеры — ставка на низкое.

Не все хотят ездить на мотоциклах, не все хотят «колоться». А что вы остальным даете? Какой высокий ценз?

Вот чем должен заниматься комсомол — вызывать любовь к Отечеству через реальные вещи, через стремление к высоким образцам русской и мировой культуры, к патриотизму, который не имеет ничего общего с национализмом. Потому что интернационализм — это букет национальных культур.

Так какой же он, Илья Глазунов? Пожалуй, в первую очередь должен ответить его творчеством. Картины, созданные за десятки лет, его ученики.

Понять это помогут и те его работы, которые впервые будут показаны на выставке, открывающейся сегодня во Дворце молодежи.

Алексей ПАНАЕВ.

Мистерия XX века.